

В.Н. САТОЛИН, М.В. КАРПЕНКО

СТАТУС ВОЕННОПЛЕННЫХ В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Анализируется отношение СССР к принципам международного права в сфере обращения с военнопленными во время Второй мировой войны; делается заключение о соответствии правовых актов СССР, определяющих правовой статус военнопленных, международным конвенциям.

The attitude of the USSR to international law principles in the sphere of treatment of war prisoners during the II World war is analyzed in the article. The conclusion is made that USSR law acts which determine war prisoners' status correspond to the international conventions.

На протяжении истории человечества, сопровождавшейся многочисленными войнами, положение военнопленных регулировалось в основном обычаями. Только в 1899 г. на первой Гаагской конференции была принята международная Конвенция о законах и обычаях сухопутных войн, которой регулировались вопросы содержания военнопленных.

К началу Второй мировой войны были подписаны следующие международные соглашения, в которых рассматривались эти вопросы: Гаагская конвенция 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны, Женевская конвенция 1929 г. об обращении с военнопленными, Женевская конвенция Красного Креста 1929 г. о судьбе раненых и больных в действующих армиях.

Гаагская конвенция от 5(18) октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны имела большое значение, так как в ней впервые формулировались гуманные нормы, определяющие статус военнопленных. Тем не менее Конвенция не охватывала все аспекты содержания в плену, что обусловило заключение дополнительных соглашений, в том числе принятие 27 июля 1929 г. Женевской конвенции об обращении с военнопленными, предусматривавшей значительное число новых положений. В отличие от Конвенции 1907 г. Конвенция 1929 г. была более объемным документом, включала 97 статей и регулировала только статус военнопленных. Она развивала принципы и положения Гаагской конвен-

ции, рассматривая более детально условия содержания военнопленных, их права и обязанности. Однако как Гагская, так и Женевская конвенции имели ряд недостатков, относящихся к полноте законодательного отражения всех аспектов содержания военнопленных, а также, что еще более важно, - к кругу государств, для которых постановления конвенций являлись обязательными к исполнению.

В ст. 2 Гагской Конвенции от 5(18) октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны было сказано, что нормы Положения о законах и обычаях сухопутной войны, являющегося приложением к данной Конвенции, «обязательны лишь для Договаривающихся Держав и только в случае, если все воюющие участвуют в Конвенции»¹. А это означало возможность неприменения норм Положения и произвола в обращении с военнопленными во время вооруженного конфликта, в котором задействована хотя бы одна держава-неучастник Конвенции. Авторы Женевской конвенции от 27 июля 1929 г. об обращении с военнопленными продвинулись на шаг вперед в этом отношении, о чем свидетельствует ее ст. 82: «Положения настоящей Конвенции должны соблюдаться Высокими Договаривающимися Сторонами при любых обстоятельствах. В военное время, если одна из воюющих сторон не является участником настоящей Конвенции, положения Конвенции должны, тем не менее, соблюдаться между воюющими сторонами, являющимися ее участниками»². (Перевод. - М. К.)

Как видим, Женевская конвенция об обращении с военнопленными 1929 г. уже обязывала государства, подписавшие ее, руководствоваться указанными нормами по отношению друг к другу при любых обстоятельствах, даже если какая-то одна из стран-участниц военного конфликта Конвенции не подписывала данный документ. Но и в Женевской конвенции 1929 г. отсутствовала статья о взаимности ее применения, т. е. о действии постановлений Конвенции между всеми участниками войны, и в годы Второй мировой войны она действовала только между подписавшими ее государствами.

Советский Союз официально не являлся участником Гагской конвенции от 5(18) октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны и не подписывал Женевской Конвенции от 27 июля 1929 г. об обращении с военнопленными. Ссылаясь на это, руководство фашистской Германии не считало себя связанным нормами законов войны в отношении СССР³. Этот факт, к сожалению, послужил причиной того, что некоторые обвиняют и сам Советский Союз во всех жутких зверствах, чинимых фашистами по отношению к советским военнопленным в годы Великой Отечественной войны. На наш взгляд, это ни в коем случае нельзя считать правильным как с точки зрения полноточности, так и с нравственных позиций по отношению к СССР. Подобные заявления не являются исторически верными, не имеют под собой веских оснований.

Отметим, что неподписание каким-либо государством международного правового акта еще не свидетельствует о непризнании им норм и принципов международного права. Такое государство может не быть официальным участником международного соглашения, признавая вместе с тем его нормы и принципы и руководствуясь ими в своей законотворческой деятельности. На практике существует целый ряд объективных причин, которые могут воспрепятствовать подписанию государством той или иной конвенции. Например, если какая-либо ее статья противоречит основному закону (конституции) данного государства; если на момент подписания конвенции этого государства как такового просто не существовало; если какая-то статья этого соглашения противоречит определенной статье другого международного соглашения, ратифицированного данным государством.

Такого рода причины по отношению к Гагской конвенции от 5(18) октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны и Женевской конвенции от 27 июля 1929 г. об обращении с военнопленными имелись у СССР. Ведь в 1907 г. была Российская империя, а СССР как такового не было. Женевскую же конвенцию 1929 г. СССР не мог подписать по причине несоответствия ст. 9 Конвенции 123 ст. Конституции СССР 1936 г.

Но Советский Союз признавал нормы и принципы международного права и использовал их при создании собственных нормативных актов. Подтверждением тому является, например, Декларация народного комиссара иностранных дел М.М. Литвинова от 25 августа 1931 г., которая гласила, что «Союз Советских Социалистических Республик присоединяется к конвенции об улучшении участи военнопленных, раненых и больных в действующих армиях, заключенной в Женеве 27 июля 1929 г.»⁴. Исходя из данного документа, следует, что Советский Союз, присоединяясь к Женевской конвенции от 27 июля 1929 г. об обращении с военнопленными, принимал ее нормы и принципы. Руководство СССР не подписало конвенцию, поскольку в ней имелись положения, допускавшие дискриминационный режим для некоторых рас и национальностей. В части третьей ст. 9 Женевской конвенции 1929 г. говорится, что воюющие стороны должны (в той мере, в какой это возможно) избегать размещения вместе, в одном и том же лагере, военнопленных различных рас и национальностей, что противоречило части второй ст. 123 Конституции СССР 1936, которая гласит: «Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом. Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности или ненависти и пренебрежения, - караются законом»⁵.

В ходе войны советское правительство также неоднократно заявляло, что считает для себя обязательными общепризнанные международно-правовые нормы и принципы, которые касаются ведения войны. Так, 9 июля 1941 г. в послании правительству Германии, направленном через посольство Швеции, а также в ноте всем аккредитованным в СССР зарубежным посольствам от 8 августа 1941 г. советское правительство высказало готовность выполнить все положения Гагской конвенции от 5(18) октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны, но только на началах взаимности. В 1942 г. было сделано официальное заявление о том, что СССР будет руководствоваться Гагской конвенцией 1907 г., что и подтверждалось в ноте народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова от 28 апреля 1942 г.⁶

В служебной записке Министерства иностранных дел Германии о правовом положении советских военнопленных от 29 мая 1944 г. отмечено: «Военнопленные являются иностранцами. Отсюда и влияние на них представляет собой область внешней политики и зарубежной пропаганды, которая возложена фюрером на имперского министра иностранных дел и является делом МИДа. В соответствии с этим согласно мобилизационному приказу от августа 1939 г. руководство всеми делами, касающимися военнопленных и не имеющими военного характера, сосредоточено в Министерстве иностранных дел... Исключением из этого правила являются советские военнопленные, которые подчинены министру по делам оккупированных восточных областей, так как на них действие Женевской конвенции не распространяется и они занимают особое политическое положение...»⁷

Таким образом, несмотря на соответствующие заявления СССР о принятии им положений Гагской конвенции от 5(18) октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны и Женевской конвенции от 27 июля 1929 г. об обращении с военнопленными, присоединении к данным соглашениям, фашистская Германия проигнорировала данные заявления и не связывала себя названными международно-правовыми актами в отношении к военнопленным СССР. Это служило причиной формального оправдания всем тем жутким зверствам, которые творили немецко-фашистские оккупанты на территории Советского Союза, в том числе и на белорусской земле.

Но, как уже было сказано выше, советское правительство фактически приняло принципы и нормы международного права в сфере регулирования отношений военного плена и руководствовалось ими при создании соответствующего законодательства. С учетом международных правовых норм в отношении военнопленных разрабатывались и были введены в действие внутригосударствен-

ные нормативные акты. В СССР основным из них являлось Положение о военнопленных», принятое Советом Народных Комиссаров Союза ССР 1 июля 1941 г.

Данное Положение включало шесть разделов, в которых давалось определение понятия «военнопленные», устанавливались нормы, запрещавшие оскорбление и жестокое обращение с ними. Так, в соответствии со ст. 2 Положения воспрещалось оскорблять военнопленных и жестоко обращаться с ними, применять к военнопленным меры принуждения и угрозы с целью получения от них сведений об их стране, отбирать у военнопленных обмундирование, белье, обувь и другие предметы личного обихода, а также личные документы и знаки отличия. Ценные вещи и деньги могли быть изъяты у военнопленных на хранение по официальным квитанциям уполномоченных на то лиц.

В разделе «Эвакуация военнопленных» рассматривались вопросы их регистрации и учета, заведения на них соответствующих документов, оказания необходимой помощи раненым и больным, эвакуации военнопленных из района боевых действий. Так, в ст. 6 Положения говорится: «Раненые или больные военнопленные, нуждающиеся в медицинской помощи или госпитализации, должны быть немедленно направлены командованием части в ближайший госпиталь».

Содержание, т. е. питание, санитарное, медицинское и другое обслуживание, военнопленных в соответствии со ст. 7 Положения производилось: а) до момента поступления военнопленных в приемные пункты лагерей для военнопленных - распоряжением командования армии; б) в дальнейшем - распоряжением органов НКВД СССР. В разд. III устанавливались условия режима содержания военнопленных, а также права и обязанности, взаимодействие с администрацией лагеря. Ст. 9 предусматривала обеспечение их жильем, помещениями, бельем, одеждой, обувью, продовольствием и другими предметами первой необходимости, а также денежным довольствием. Важной является вторая часть данной статьи, в которой сказано, что получение военнопленными продовольственной и иной помощи со стороны не должно вызывать уменьшение видов довольствия, получаемого ими за счет государства. В отношении медико-санитарного обслуживания предусматривалось обеспечение военнопленных на одинаковых условиях с военнослужащими Красной Армии (ст. 12). В соответствии со ст. 13 военнопленным предоставлялось право при первой возможности сообщить на родину о своем нахождении в плену, приобретать за свой счет продукты, одежду, белье, обувь и другие предметы личного обихода, первой необходимости, беспопытно, безлицензионно и без уплаты акцизов получать с родины и из нейтральных стран денежные переводы, посылки с продовольствием и продуктами, одеждой и прочими предметами первой необходимости.

В Положении определялись порядок использования труда военнопленных, его оплаты, времени работы (разд. IV). Так, ст. 20 предусматривала, что военнопленные рядового и унтер-офицерского состава могли привлекаться к работе как в лагере, так и вне его в промышленности и в сельском хозяйстве, а офицеры и приравненные к ним военнопленные - к работам лишь с их согласия. Особо выделим ст. 21, где говорится, что на военнопленных, привлекаемых к работе, распространялось Постановление об охране труда и рабочем времени, применяющееся в данной местности к гражданам Союза ССР, работающим в той же отрасли труда; ст. 25 Положения о военнопленных от 1 июля 1941 г. воспрещала также использование труда военнопленных в районах боевых действий, а также для обслуживания администрации, учреждений и личных нужд других военнопленных (денежничество).

Важным документом, отражающим правовое положение военнопленных в СССР, является Приказ НКО СССР № 001 от 2 января 1943 г. об упорядочении работы по эвакуации военнопленных с фронта», в котором содержатся нормы, регулирующие организацию направления и обеспечения военнопленных на фронте и по пути в тыловые лагеря, способствующие улучшению их положения.

Ст. 2 данного нормативно-правового акта обязывала командиров частей не только обеспечивать военнопленных питанием в пути до их передачи в приемные пункты НКВД по нормам, утвержденным Постановлением СНК СССР № 18747874, но и передавать им походные кухни из трофейного имущества и необходимый транспорт для перевозки продуктов. Ст. 3 предусматривала также

своевременное оказание всех видов медицинской помощи раненым и больным военнопленным. Категорически запрещалось направление в общем порядке раненых, больных, обмороженных и резко истощенных военнопленных и передачу их в приемные пункты НКВД. Указанные группы должны были быть госпитализированы с последующей эвакуацией в тыловые спецгоспитали и обеспечены по нормам, установленным для больных военнопленных.

Ст. 5 предполагала обеспечение максимально близкого расстояния от пунктов погрузки военнопленных до мест их концентрации, что делалось во избежание длительных пеших переходов. Причем ст. 7 Приказа НКО СССР № 001 от 2 января 1943 г. гласила: «Суточный пеший переход военнопленных ограничить 25-30 километров. Через каждые 25-30 километров пешего перехода устраивать привалы-ночевки, организовывать выдачу военнопленным горячей пищи, кипятка и предоставлять возможность обогрева».

Ст. 8 предписывала оставлять у военнопленных одежду, обувь, белье, постельные принадлежности и посуду. В случае отсутствия у них теплой одежды, обуви и индивидуальной посуды недостающее выдавалось из трофейного имущества, а также из вещей убитых и умерших солдат и офицеров противника.

В ст. 10 предусматривалось обеспечение подачи необходимого количества вагонов для немедленной отправки военнопленных в лагеря, оборудование вагонов нарами, печами, бесперебойное снабжение топливом в пути следования, обеспечение быстрого продвижения эшелонов в пути наравне с воинскими перевозками. Кроме того, предусматривалась организация диспетчерского контроля за продвижением эшелонов с военнопленными, установление норм погрузки военнопленных (в двухосные вагоны - 44-50 чел., четырехосные - 80-90 чел.).

Эшелоны военнопленных, согласно Приказу НКО СССР № 001 от 2 января 1943 г., формировались количеством не более чем 1500 чел. в каждом. Кроме того, Приказ обязывал обеспечить военнопленных бесперебойным горячим питанием, питьевой водой (каждый двухосный вагон - тремя и четырехосный - пятью ведрами воды). Ст. 11 обязывала начальника Главного санитарного управления Красной Армии обеспечить госпитализацию раненых, больных, обмороженных, истощенных военнопленных в лечебные учреждения Красной Армии на фронте и в прифронтовой полосе, организовать их немедленную эвакуацию в тыловые спецгоспитали, для медико-санитарного обслуживания военнопленных в пути выделять необходимый медицинский персонал с запасом медикаментов, проводить санитарные обработки военнопленных с дезинфекцией их личных вещей в пути следования эшелонов, организовать комплекс противоэпидемических мероприятий. Заключительная ст. 12 Приказа запрещала отправку не одетых или необутых по сезону военнопленных в вагонах, необорудованных под людские перевозки и неутепленных, без необходимых запасов топлива, продовольствия и хозинвентаря.

Относительно военнопленных советским правительством в рамках как международно-правовых актов, так и Положения о военнопленных от 1 июля 1941 г. был принят и ряд других документов. Как указывает В.П. Галицкий в статье «Венгерские военнопленные в СССР», по принципиально важным вопросам содержания военнопленных, их материального, продовольственного и медико-санитарного обеспечения в 1941-1955 гг. было принято около 60 решений, которые доводились до должностных лиц и военнопленных как непосредственно, так и через ведомственные нормативные акты. Таких документов было издано только ГУПВИ НКВД и МВД СССР в указанный период около 3 тыс.¹⁰

Таким образом, анализ правовых норм, регулирующих положение военнопленных в годы ВОВ показывает, что в СССР соответствующее законодательство было разработано, с учетом требований таких международных соглашений, как Гагская конвенция от 5(18) октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны и Женевская конвенция от 27 июля 1929 г. об обращении с военнопленными и принято в духе уважения и соблюдения принципов международного права.

- ¹ См.: Международное право в избранных документах // Издательство ИМО. М., 1957. Т. 3. С. 42.
- ² См.: Convention relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 27 July 1929. <http://www.icrc.org/ihl.nsf/52d68d14de6160e0c12563da005fdb1b/e1571b00daec90ec125641e00402aa6?OpenDocument>
- ³ См.: Са в я н к а М. Прававыя асновы ваеннага палону напярэдадні і ў гады Другой сусветнай вайны // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 4. С 85-86.
- ⁴ См.: В е р е м е е в Ю. Красная Армия и Вторая Мировая война. СССР и Женевская Конвенция о военнопленных // ЦГАОР СССР. Ф. 9501. Оп. 5. Ед. хр. 7. Лд. 22.
- ⁵ См.: История Советской Конституции (В документах). 1917-1956 / Сост. А.А. Липатов, Н.Т. Савенков. М., 1957. С. 743.
- ⁶ См.: С е м и р я г а М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С. 130.
- ⁷ См.: Преступные цели - преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1944 гг.). 3-е изд. М., 1985. Ст. 164.
- ⁸ См.: В е р е м е е в Ю. Правила обращения с военнопленными в СССР // ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 205. Т. 12. Л. 8-11, 313-320.
- ⁹ См.: В е р е м е е в Ю. Советский плен-1943 год // РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 74. Л. 1-6.
- ¹⁰ См.: Г а л и ц к и й В. П. Венгерские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 47.

Поступила в редакцию 06.05.05.

Владимир Николаевич Сатолин - кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права.

Максим Валерьевич Карпенко - студент 3-го курса юридического факультета.